

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.5

УДК 314.17 | ББК 60.561.5

© Васильева Е.Н., Баймурзина Г.Р.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ РЕПРОДУКТИВНОГО И БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ВАСИЛЬЕВА

Волгоградский государственный университет

г. Волгоград, Российская Федерация

e-mail: vasiljevaen@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0460-5539; ResearcherID: K-6216-2013

ГУЗЕЛЬ РИМОВНА БАЙМУРЗИНА

ФНИСЦ РАН

г. Уфа, Российская Федерация

e-mail: guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689

Актуальность демографических проблем в России подчеркивается в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Указе о национальных целях развития России до 2030 года, приоритетных национальных проектах «Демография» и «Здравоохранение», а также в нормативно-правовых актах, направленных на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Демографические проблемы решаются путем внедрения комплекса мер поддержки российских семей, находящихся сегодня не просто в трудной социально-экономической ситуации, а в ситуации риска. Пандемия стала причиной ухудшения как социально-экономических показателей уровня жизни семей, так и демографической ситуации во многих странах мира, в том числе России. Для повышения эффективности мер поддержки российской семьи необходимо определить факторы, определяющие мотивацию акторов

¹ Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

к заключению брака и рождению детей, описать типичные модели репродуктивного и матримонимального поведения. Эмпирические данные, позволившие сформулировать основные выводы, получены методом глубинного интервью (опрошено 37 информантов). В опросе приняли участие мужчины и женщины репродуктивного возраста – представители детских и многодетных семей, а также семей, где один родитель воспитывает ребенка вследствие распада семьи, смерти одного из родителей или сознательного (в том числе вынужденного) решения женщины родить ребенка вне брака. В выборку не были включены информанты из социально неадаптированных семей, целенаправленно отбирались информанты из семей, социально-экономическое положение которых близко к медианному по региону проживания. Вопросы для глубинного интервью формулировались в соответствии со следующим планом – брачные и репродуктивные установки родителей (семейный опыт родителей информанта); брачные и репродуктивные установки информанта (собственный семейный и репродуктивный опыт); влияние федеральных и региональных мер поддержки российской семьи на принятие решения о рождении ребенка; потребности семьи и проблемы, мешающие реализации репродуктивных планов. Полученные данные позволили описать модели репродуктивного и брачного поведения, сформулировать выводы о факторах, препятствующих росту рождаемости в российских регионах.

Семья, дети, родители, репродуктивное поведение, брачное поведение, демографическая ситуация, социальная помощь, социальная поддержка.

Актуальность темы исследования

Обеспокоенность современными тенденциями изменения моделей семьи, брака, самохранительного поведения и рождаемости фиксируется в большом числе исследований. Эксперты отмечают, что изменение моделей и снижение рождаемости – процессы, которые необходимо анализировать, учитывая многомерность демографических практик и сложность управления ими [1; 2]. Рост численности населения – приоритет демографической политики России, активная работа в данном направлении привела в одних регионах к существенным, в других – к незначительным позитивным результатам [3], что обусловлено разнообразием репродуктивного поведения граждан, складывающегося в специфических социально-экономических, географических, природно-климатических и социокультурных условиях [4]. Этим определяются различия мер региональной поддержки семей с детьми, при разработке которых учитываются особенности демографического развития на местах. Актуальность демографической проблемы стимулирует поиск научно обоснованных решений в области сохранения и роста рождаемости в России.

Цель работы – на основе качественных данных социологического исследования изу-

чить модели репродуктивного и брачного поведения россиян; определить условия и факторы, оказывающие влияние на рождаемость; предложить направления совершенствования семейной политики. Представляется, что управление демографическими процессами необходимо формировать как на основе статистических, так и социологических данных. Объектом исследования являются социальные практики различных по составу семей, однако типичных по уровню благополучия в материальном (среднеобеспеченные) и социальном (не маргинальные) плане.

Научная новизна заключается в выявлении факторов формирования современных моделей брачного и репродуктивного поведения в российских семьях на основе серии глубинных интервью, позволяющих оценить реальное положение различных категорий семей, исследовать их семейно-брачные и репродуктивные установки, запросы и потребности, связанные с рождением и воспитанием детей. Использование нарративного подхода к сбору социологической информации дает возможность реконструировать и объяснять причинно-следственные (в том числе латентные) связи в формировании брачных и репродуктивных моделей поведения.

Значимость представленной авторами работы видится в совершенствовании и обогащении исследовательских подходов к анализу брачно-семейных взаимодействий, а также формулировке предложений по оптимизации управленческих практик в области социально-демографической политики государства. Научный и практический интерес представляют вопросы о необходимости спецификации управленческих мер, направленных на стимулирование рождаемости в зависимости не только от модели (молодая, полная/неполная; детная/многодетная) и экономического положения семьи, но и ее истории, т. е. необходимо обсуждать возможность разработки кейс-технологий социальной поддержки семей.

Анализ имеющейся современной литературы показывает, что коэффициенты рождаемости за последние десятилетия резко изменились во всем мире. Несмотря на сохранение серьезных различий в моделях деторождения между странами и регионами, глобальные показатели рождаемости достигли беспрецедентно низкого уровня. Согласно данным ООН (2015), в настоящее время 46% населения мира проживает в государствах с низким уровнем рождаемости – в среднем менее 2,1 ребенка на 1 женщину (страны Европы, Северной Америки, а также многие страны Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна). Россия также относится к государствам с низким уровнем рождаемости. Около 46% населения мира проживает в странах со средним, но устойчиво снижающимся уровнем рождаемости, где у среднестатистической женщины рождается от 2,1 до 5 детей. Это, по мнению экспертов, может повлечь за собой долгосрочные демографические и социальные последствия, такие как устойчивое сокращение численности населения стран, изменения в возрастной структуре, расходах на здравоохранение и социальное обеспечение².

Так, к примеру, европейские исследования, посвященные политике в области семьи

и рождаемости, свидетельствуют об утверждении двухдетной модели в качестве идеальной и универсальной среди женщин [5], в то время как многодетные семьи ушли в категорию семей, «о которых мало известно в Европе» (примечание: дословный перевод из фрагмента по постановке цели исследования) [6].

В то же время авторы этих исследований отмечают необходимость улучшения общих социальных и экономических условий для деторождения, а также эффективной комплексной семейной политики, поскольку анализ различий между фактическим размером семьи и количеством детей, которое женщины желают или считают идеальным, свидетельствует о том, что рождаемость может возрасти, если будут созданы соответствующие условия.

В ходе исследования условий жизни и соответствия семейной политики европейских стран потребностям многодетных семей были получены интересные выводы о влиянии различных факторов в зависимости от страны проживания (что, на наш взгляд, вполне применимо и к российским регионам). Так, в целом по выборке наиболее значимыми факторами стали условия труда (наличие, стабильность и график работы, доступность и длительность отпусков по уходу за ребенком). Если в Испании и Португалии – это условия труда, то в Латвии и Германии – условия проживания, в Венгрии – наличие социального капитала (опоры в лице друзей и ближайших родственников), государственная поддержка – в Венгрии, Франции и Германии. Авторы отмечают, что наибольшее значение помощи со стороны государства придают респонденты стран с более скромными мерами социальной поддержки многодетных семей [6]. Социологи на основе анализа текстов глубинных интервью с молодежью европейских стран делают вывод о том, что сложное социально-экономическое положение, обусловленное нестабильностью на рынке тру-

² World Fertility Patterns 2015. Data Booklet (ST/ESA/SER.A/370). United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2015. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/fertility/world-fertility-patterns-2015.pdf> (accessed 26.09.2021).

да, потенциальные проблемы совмещения обязанностей по уходу за детьми и карьерных стратегий на работе, стремление к ответственному родительству – факторы, приводящие к ситуации, когда молодые люди, с одной стороны, не спешат создавать семью, с другой – чувствуют психологический дискомфорт от того, что их родители ожидают внуков, а они не оправдывают ожидания [7].

Причины сверхнизкой рождаемости и в европейских, и в азиатских странах объясняются, помимо демографического перехода, определенными стрессами родительства в быстро урбанизирующихся обществах. Sh. Chao и J. Glass проанализировали влияние комплекса политических мер, позволяющих смягчить влияние различных стрессоров и родительского бремени, улучшить баланс между работой и семьей в десяти азиатских странах. Исследование показало, что в государствах, применяющих какие-либо меры семейной политики, доля счастливых родителей значительно выше, чем в тех, где их нет. При этом авторы предупреждают, что родительство в Восточной и Южной Азии никогда не ассоциируется с более счастливой жизнью [8]. Опыт Швеции и Франции показал, что своевременная модернизация семейной политики помогла сохранить высокие показатели рождаемости, несмотря на высокий уровень участия женщин в составе рабочей силы [9, с. 16–19]. В продолжение этой идеи имеются предположения о том, что более широкое вовлечение мужчин в выполнение домашних (семейных) обязанностей также может привести к некоторому повышению рождаемости [10].

Возвращаясь к проблемам семейной политики в России, необходимо констатировать, что суммарный коэффициент рождаемости, характеризующий среднее число детей, рожденных одной женщиной репродуктивного возраста, неуклонно снижается⁵. Причины этого подробно обсуждались в работах, опубликованных по результатам всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов

России», реализованного в 2020 году научным коллективом Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Вологодским научным центром РАН, Волгоградским государственным университетом с участием ученых Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Ставропольского края, Ивановской, Нижегородской, Свердловской областей [11].

Согласно результатам первой волны исследования, ценности семьи и родительства в России достаточно высоки. Вместе с тем все большее число россиян ориентируется на малодетность: планируют иметь двоих детей около 40%, трех и более – только 17%. В то же время при наличии всех необходимых условий доля желающих иметь троих и более детей возрастает практически вдвое – до 33%. Барьерами реализации желаемых рождений, по мнению опрошенных россиян, являются материальные трудности (66%), неуверенность в будущем (61%), жилищные проблемы (52%). Эти же причины, а также представления о трудозатратности родительства становятся факторами «откладывания» рождения детей у 40% молодежи [11]. «Классической» для молодежи социальной проблемой является достойная и стабильная занятость, устойчивость трудовых отношений, особенно для женщин с малолетними детьми [12–14]. В совокупности с неустроенностью быта, неразвитостью инфраструктуры детства и ощущениями неопределенности в будущем указанные факторы объективно формируют установки на малодетность. Несмотря на активную пронаталистскую политику и предпринимаемые меры государственной поддержки семей с детьми в России, сохраняется актуальность мониторинга и оценки социального самочувствия семей с детьми; неоспорима важность обработки «обратной связи» со стороны семей, пользующихся государственными услугами и поддержкой; выявления актуальных причин сдерживания рождаемости и новых рычагов ее стимулирования [15; 16].

⁵ Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2018 год. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1361> (дата обращения 26.09.2021).

Очень важный аспект проблем семей с детьми, на наш взгляд, поднимается Я.А. Скрябиной: многодетная семья должна характеризоваться как качественно особая семья, в которой формируются основы детской взаимопомощи, взаимоподдержки, взаимотерпения, самостоятельности, бережливости, заботы о младших и слабых, уважения к старшим, где транслируются традиционные семейные, духовно-нравственные ценности. Вместе с тем социально-экономическая ситуация, в которой находится большинство современных многодетных семей, далека от материально благополучной, если недостаточно средств для инвестиции в воспитание, образование, культуру детей, раскрытие врожденных способностей и талантов, приобретение знаний, практического опыта и первичных трудовых навыков [17].

Оригинальной в концептуальном плане работой отечественных исследователей является статья Г.А. Банных, Е.В. Зайцевой и С.Н. Костиной, которые проанализировали мотивации к многодетности в семьях со средними и высокими доходами. Авторы пришли к выводу, что в обеспеченных семьях рост числа детей обусловлен не столько мерами государственной поддержки, сколько влиянием социокультурных факторов (том числе религиозных), безусловной ценности семейного образа жизни и детей [18].

Исследователи-эксперты в целом признают необходимость дифференциации мер поддержки семей в зависимости от состава и структуры семьи. В то же время сами многодетные родители (исследование многодетных семей в г. Москве) считают, что должны иметь льготы независимо от того, имеют они статус малообеспеченных или нет [2, с. 155]. В пользу этого мнения свидетельствуют и результаты исследования З.Е. Дорофеевой. На основе анализа 30 глубинных интервью с многодетными родителями Москвы и Воронежа показано, что «высокоресурсные многодетные матери повышают не только рождаемость, но и уровень человеческого капитала, внося свой вклад в повышение качества населения» [19, с. 93].

Методология исследования

В качестве методологической базы исследования выбрана теория структуризации Э. Гидденса, которая дает возможность сопоставлять изменение практик акторов и социальных институтов, описывать социальную реальность как динамическую систему. В соответствии с данными принципами мы остановили свой выбор на качественном подходе, позволяющем сделать выводы о стратегиях поведения акторов, структурировать их установки и мотивы. Многообразие жизненных линий мы анализировали с помощью метода осевого кодирования вокруг категорий «брачное и репродуктивное поведение».

Для выявления факторов формирования моделей брачного и репродуктивного поведения, а также влияния мер поддержки российской семьи на мотивацию супругов методом глубинного интервью было опрошено 37 информантов, проживающих в Волгоградской области, Ставропольском крае, Республике Башкортостан, Нижегородской области. В опросе приняли участие мужчины и женщины в возрасте 20–49 лет, имеющие детей (состоящие в браке или одинокие).

Результаты исследования

Представления о брачном и репродуктивном поведении акторы формируют в процессе социализации в родительской семье. После формирования собственной семьи брачное и репродуктивное поведение реализуется акторами по нескольким траекториям.

Первый вариант – сознательно выстраивается модель, иная, чем у родителей: «Вы знаете, видимо, я и стала многодетной мамой, вот такой вот заботливой, активной, потому что я хотела иметь такую маму, мне этого не хватало» (*Информант – женщина, 39 лет, в браке, семь детей, Ставропольский край*); «Так как у меня не было родных братьев или сестер, как я раньше уже сказала, я мечтала о том, чтобы у меня была своя большая семья, и материнство» (*Информант – женщина, 27 лет, в браке, трое детей, Волгоградская область*). Одним из примеров мо-

жет служить ситуация, где модель брачного и репродуктивного поведения отсутствует: «Отец умер, когда мне было 7 лет, мама жива. Но я являюсь сиротой, т. е. мама отказалась от меня, и меня воспитывала бабушка» (Информант – женщина, 26 лет, в браке, один ребенок, Республика Башкортостан).

Второй вариант – за образец берется семья родителей: «Были моменты, что были готовы и расстаться, и разводиться, но на данный момент живут до сих пор вместе. И я говорю – живут как Шерочка с Машерочкой (о семье родителей) <...> Преодолевались также трудно, где-то тяжело, один раз прям развод и никакого пути назад. Но путь назад свершился и сейчас, на протяжении последних лет, я понимаю, что мы научились договариваться, и стало тихо и спокойно (о своей семье). (Информант – женщина, 39 лет, в браке, один ребенок, Нижегородская область).

Устойчивость семьи как социального института зависит от внутренних и внешних факторов. Если к внешним факторам традиционно относят социально-экономическую, политическую ситуацию, то внутренние факторы трактуются широко. Мы относим к внутренним факторам представления о моделях брачного и семейного поведения супругов. Стратегия выстраивания семейных отношений каждого из супругов строится на полученном в процессе социализации опыте, сформированные установки на воспроизводство модели семьи могут стать как основой, так и препятствием сохранения брака. На вопрос, заданный информантам: «Мечтали ли Вы о супружестве? Как Вы представляли супружество и как вышло на самом деле?», были получены данные о трех моделях формирования семейных отношений.

Первая модель – женщины (мужчины) мечтают о семье и строят идеальную модель, на которую стараются ориентироваться, при этом в начале отношений не учитывают, на какую модель ориентирован партнер: «Конечно, мечтала. Я ждала очень долго определенного человека <...> Человек не подтянулся за мной, не захотел, это его выбор, я его тоже уважаю, как и свой. <...> Я хотела три ребенка. Сейчас я уже не хочу три

ребенка, потому что я понимаю, что это не так делается...» (Информант – женщина, 28 лет, разведена, один ребенок (проживает с матерью), Нижегородская область); «Вот всегда с детства мечтала быть многодетной мамой, лет с тринадцати. <...> ... я с ним познакомилась, у него были еще отношения, с той прошлой семьей, но они у него не складывались <...> я была мать-одиночка, потому что муж решал с той семьей еще вопросы, я очень долго была матерью-одиночкой, то есть до рождения седьмого ребенка» (Информант – женщина, 39 лет, в браке, семь детей, Ставропольский край); «Первая жена вообще не хотела детей, что мне и не нравилось. Я даже удивлен, как она родила сына» (Информант – мужчина, 49 лет, в браке – от первого брака один ребенок (проживает с бабушкой), во втором браке один ребенок (проживает с отцом, мать уехала в другой город), Нижегородская область).

Вторая – мужчины и женщины договариваются о модели брака и количестве детей в семье, уступая друг другу, в процессе развития семейных отношений: «Так как я хотела троих детей, но мой муж был против...» (Информант – женщина, 40 лет, в браке, двое детей, Ставропольский край); «Я хотела максимум двоих, а муж хотел больше. Для меня двое достаточно. Я хочу больше работать и развиваться» (Информант – женщина, 33 года, в браке, двое детей, Республика Башкортостан); «...потом муж хотел уже второго, а тут не позволяли жилищные условия» (Информант – женщина, 39 лет, в браке, один ребенок, Нижегородская область).

Третья – мужчины и женщины договариваются о модели брака и количестве детей до брака: «Мы сошлись с супругой во мнении, что мы хотим троих детей, еще изначально, до брака даже» (Информант – мужчина, 34 года, в браке, трое детей, Волгоградская область).

Качественное исследование не позволяет сделать вывод о том, кто чаще (мужчины или женщины) строит идеальную мысленную модель семьи, которую будет стараться воспроизвести, но на основе некоторых высказываний можно сформулировать гипоте-

зу о том, что женщины более склонны, чем мужчины, формировать идеал семьи и стремятся его реализовывать: «Знаете, я вообще не думал, что я женюсь, и у меня будут дети. Нет, я хотел, но никогда к этому не стремился. Получилось как-то все спонтанно, тем более трое» (Информант – мужчина, 34 года, разведен, трое детей (один ребенок проживает с отцом, двое – с матерью), Нижегородская область); «Ну, я не представлял себе, как оно должно быть на самом деле. Просто так сложилось» (Информант – мужчина, 46 лет, в браке, трое детей, Волгоградская область); «Когда я был мальчиком, я мечтал о чем-то великом, я хотел сделать какое-то открытие или построить какое-то новое изобретение, но в этом не сложилось (о семье не мечтал – прим. авторов)» (Информант – мужчина, 37 лет, разведен, один ребенок (проживает с отцом), Ставропольский край); «Вопрос о каком-то представлении супружества, семьи и так далее... Наверное, больше для девушек такой вопрос актуальный» (Информант – мужчина, 30 лет, в браке, один ребенок, Нижегородская область).

Глубинное интервью позволяет еще раз структурировать причины, почему идеальное количество детей выше, чем рожденных: проблемы со здоровьем супругов, экономические и материальные проблемы (в том числе отсутствие у семьи жилья); несогласие одного из супругов на рождение еще одного ребенка; разочарование в брачно-семейных отношениях, их прекращение. Раскрыть последнюю из причин позволяет анализ интервью с одинокими родителями: «Детей планировала, наверное, двое, трое хотела, чтобы было, как у моих родителей, в нашей семье. <...> Ухажеры конечно же были после развода. Но чтобы как-то серьезно, наверное, нет. Я не готова» (Информант – женщина, 27 лет, разведена, один ребенок, Ставропольский край); «Пытался (жениться второй раз – прим. авторов), но, как говорится, не мое это сейчас. Там уже, скажем, возраст у второй половины такой, что запросы бешеные, начинает делить меня с дочкой <...>, а я ребенка никогда не брошу. Я хотел бы (еще одного ребенка – прим. авторов)» (Информант – муж-

чина, 35 лет, разведен, один ребенок (проживает с отцом), Республика Башкортостан); «Вообще я всегда хотела очень много детей, с детства. <...> Но по прошествии жизни все понятия, конечно же, немножко меняются. <...> Как только я забеременела, папу просто «сдуло». Причем я еще не знала, что я беременна. <...> Нет, я ему не сообщала об этом (о беременности – примечание авторов)» (Информант – женщина, 40 лет, мать-одиночка, один ребенок, Нижегородская область); «Я всегда думал, что проживу так же, как и мои родители: у меня будет крепкая семья. <...> Я хотел иметь троих детей: двое сыновей и одну дочку» (Информант – мужчина, 47 лет, вдовец, один ребенок, Волгоградская область).

Полученные нами данные подтверждают выводы российских ученых о том, что рождение первого ребенка произойдет вне зависимости от назначения мер поддержки и материнского капитала. Однако основная функция материнского капитала – сдвинуть возраст рождения первого ребенка, так как в этом случае повышаются шансы рождения второго и последующих детей: «Потом, уже когда появились жилищные условия, уже я посчитала свой возраст и здоровье..., побоялась за свое здоровье...» (Информант – женщина, 39 лет, в браке, один ребенок, Нижегородская область); «Когда они с папой получили квартиру, они еще успели получить от завода до перестройки, мне уже было 12 лет, и как бы уже мама не решилась в таком возрасте кого-то заводить, то есть ей уже было далеко за 30» (Информант – женщина, 43 года, в браке, трое детей, Республика Башкортостан). Установки на рождение детей в оптимальном возрасте, как показывают полученные данные, передаются из поколения в поколение, здоровье традиционно является одной из базовых ценностей, а уровень здравоохранения и качество медицинской помощи оцениваются населением РФ низко [20], поэтому введение материнского капитала на первого ребенка достаточно обосновано.

Анализ текстов интервью позволил сформулировать следующий вывод – в одноп-

ных и двухдетных моделях семей, где оба супруга делают практически равный вклад в семейный бюджет, а также имеют доход, сопоставимый со средним по региону, интерес к мерам государственной поддержки невелик: «Опять-таки в большинстве своем мы рассчитываем на себя, на собственные силы. В конце концов, это наш ребенок, и нам его обеспечивать» (Информант – женщина, 22 года, в браке, один ребенок, Ставропольский край).

Еще одна группа семей, где меры поддержки не отслеживаются актором, – семьи, где отец воспитывает детей без супруги, при этом формально супруги могут быть не разведены: «Ребенок просил, чтобы не развелись. <...> Вы будете удивлены, но она подала на алименты. <...> Нет, выплаты жена оформила на себя (о мерах поддержки семьи в период пандемии – прим. авторов)» (Информант – мужчина, 49 лет, в браке – от первого брака один ребенок (проживает с бабушкой), во втором браке один ребенок (проживает с отцом, мать уехала в другой город), Нижегородская область); «Я и не собирался как-то получать эту помощь. Как по мне – слишком много бюрократии» (Информант – мужчина, 34 года, разведен, один ребенок (проживает с отцом), Волгоградская область).

На бюрократию жалуются все родители, особенно матери-одиночки. В целом супруги и семьи, имеющие стабильные доходы, опасаются увеличения количества детей, так как не уверены в будущем: «Я бы хотела, чтобы побольше было капитала, детские пособия чтоб увеличили. Хоть муж сейчас и выделяет часть алиментов, но, как сказать, не хватает. <...> Я плачу каждый месяц ипотеку, что такое ипотека, вы, наверное, сами знаете» (Информант – женщина, 38 лет, разведена, один ребенок (проживает с матерью), Волгоградская область).

Выводы об экономических и материальных проблемах как факторе снижения рождаемости сделаны на основе данных интервью с многодетными родителями: «Единственные трудности, наверное, в финансовом вопросе, потому что ипотеку нужно платить, ремонт нужно делать, кушать и

одеваться на что-то надо. Денег всегда не хватает, сколько бы мы их ни зарабатывали. Да, тяжело, но что теперь делать...» (Информант – женщина, 43 года, в браке, четверо детей, Республика Башкортостан); «Паника, туда-сюда, родители тоже не понимают этого, зачем нищету разводить... <...> Никто не рассчитывал на троих. Второй-то получился случайно, а тут уж и третий... <...> У меня много идей, мне нужны деньги, чтобы эти идеи... Нужна помощь материальная, не хватает катастрофически» (Информант – мужчина, 50 лет, в браке, в первом браке двое детей (живут с матерью), во втором браке трое детей, Нижегородская область). Случайная беременность заканчивается рождением только в случае, если для родителей неприемлем аборт, в иных случаях знание о «катастрофически» низком уровне жизни многодетных семей становится мотивом к прерыванию беременности или мотивом к ограничению рождаемости с помощью противозачаточных средств. Аборт может быть неприемлем не только за счет религиозных или нравственных установок, но и как мотивация к сохранению здоровья: «В пользу здоровья супруги, наверное. Аборты влекут за собой отрицательные последствия (о незапланированной беременности – прим. авторов)» (Информант – мужчина, 36 лет, в браке, трое детей, Республика Башкортостан); «Она (о бывшей супруге – прим. авторов) говорила, что хочет сделать аборт. Но я не сторонник абортов, я считаю, неправильно лишать жизни тех, кому эта жизнь дозволена» (Информант – мужчина, 34 года, разведен, трое детей (один ребенок проживает с отцом, двое – с матерью), Нижегородская область); «...а третий ребенок у нас немножко случайный, я узнала о беременности, когда было уже 14 недель. <...> Аборт – нет, это вообще в моих жизненных вопросах не стояло и, я думаю, вообще стоять не будет» (Информант – женщина, 34 года, в браке, три ребенка, Нижегородская область).

Основанием предложенных нами рекомендаций для укрепления пронаталистской политики в РФ являются следующие данные о проблемах и потребностях российских

семей: «Материнский капитал – это хорошая материальная помощь для семей. <...> А если у семьи нет ипотеки, ты в принципе эти деньги... как вот их реализовать по-другому?» (Информант – женщина, 27 лет, в браке, один ребенок, ожидает второго, Нижегородская область); «Я считаю, что не только деньгами надо помогать, а чтобы образование было доступно для каждой семьи» (Информант – женщина, 43 года, в браке, четверо детей, Республика Башкортостан); «Я бы хотела человека, который мог бы хотя бы одного ребенка водить куда-то. Не няню, но вот сопровождающий человек» (Информант – женщина, 34 года, в браке, три ребенка, Нижегородская область); «Ну, материальная всегда нужна, потому что, видите, сейчас в 3 секции старший ходит (бесплатно – прим. авторов). А платить не надо за одну только, значит он сейчас только в одну будет ходить, бесплатных две уберут...» (Информант – мужчина, 50 лет, в браке, в первом браке двое детей (живут с матерью), во втором браке трое детей, Нижегородская область); «Ну не столько финансово может, сколько другие, те же самые танцы, занятия для ребенка, может, тот же санаторий, тот же лагерь. <...> чтобы ребенок развивался...» (Информант – мужчина, 35 лет, разведен, один ребенок (проживает с отцом), Республика Башкортостан); «Нет таких регулярных осмотров. Мы родились в пандемию. В пандемию на детей всем было «фиолетово». Первое УЗИ мы прошли в 3–4 месяца, потому что все настолько было раздуто, все всего боялись, один врач заболел – вся поликлиника на карантине...» (Информант – женщина, 40 лет, не замужем, мать-одиночка, один ребенок, Нижегородская область); «Единственное, всегда обидно было, что детские пособия чтобы получать, должен быть МРОТ на члена семьи, а мы по нему всегда не проходили на 200 руб. или на маленькие суммы» (Информант – женщина, 28 лет, замужем, двое детей, Ставропольский край).

Основные категории семей, нуждающихся в материальной поддержке – многодетные семьи, семьи матерей в разводе, матерей-одиночек. Однако, кроме материальных

проблем, необходимо решать вопрос, касающийся инфраструктурных пробелов, работать над доступной средой для семьи.

Заключение

Исследование 37 конкретных жизненных историй семей с детьми позволило выявить, что представления о брачном и репродуктивном поведении в семье в основном формируются до брака. Выявлено, что два типа установок формируют разные модели семей: 1) создать такую же семью, как родительская; 2) «семья должна быть другой, не такой, в какой я вырос(ла)». Вторая модель чаще является следствием неудовлетворенности семейной жизнью родителей или во все отсутствия такого опыта.

Устойчивость семьи как социального института зависит от внутренних и внешних факторов. Внешние факторы (социально-экономические условия, политическая ситуация и т. д.) довольно широко исследуются и составляют основу современной государственной социально-демографической и семейной политики в России и других странах мира. В нашем исследовании влияние внешних социально-экономических факторов проявилось в формировании специфической модели демографического поведения: откладывание и последующий отказ от рождения детей может стать причиной разрушения семьи (например, из-за необходимости супруга зарабатывать на жизнь вахтовым методом) и др. В связи с этим внимание государства к социально-экономическим проблемам семей с детьми оправданно и эффективно (кроме экономических проблем, родителей все больше беспокоят проблемы коммерциализации образования, подготовки к ЕГЭ, дополнительного образования и досуга детей).

Более сложными для понимания, интерпретации и применения на практике являются знания о внутренних факторах устойчивости семьи, которые восходят к глубинным социокультурным и ценностным основаниям, транслирующимся от поколения к поколению (непреходящие ценности семьи, родительства, детства, культура

внутрисемейных отношений и др.). В нашем исследовании они отражаются в представлениях супругов об идеальном размере семьи, о распределении семейных и домашних обязанностей, необходимом уровне материального достатка, ключевых принципах воспитания детей, необходимости личностной и профессиональной самореализации (особенно женщин). Совпадение, умение или стремление найти компромисс в этих вопросах играет большую роль в сохранении отношений между супругами, в благополучии семьи. И напротив, разногласия по ключевым элементам семейной жизни часто становятся причиной разочарований и разводов. В настоящее время эти и другие проблемы семейного благополучия предлагается обсуждать и прорабатывать в рамках курса «семьеведение». Несмотря на отсутствие утвержденных федеральных стандартов, большое количество вопросов к методической и концептуальной базе программ, не уточненные требования к преподавателю, значительное число регионов уже реализует курс в школах (в том числе Республика Башкортостан). На наш взгляд, вопросы внутренних проблем семьи, а также методов их преодоления должны стать предметом комплексных междисциплинарных исследований (социологов, психологов и педагогов) для выработки научно обоснованных рекомендаций по укреплению семейных ценностей в условиях современного общества.

Таким образом, глубинные интервью позволили выделить специфические модели демографического и брачного поведения, определить факторы, которые не позволяют иметь желаемое число детей в семьях: проблемы со здоровьем супругов, экономические и материальные (в том числе жилищные); разногласия в семье относительно рождения еще одного ребенка; разочарование в брачно-семейных отношениях, их прекращение.

Подтверждение факта, зафиксированного ранее другими российскими учеными, о том, что рождение первого ребенка произойдет вне зависимости от мер государственной поддержки, является свидетельством важной идеи – сохранения высокой ценности родительства и детей в России. Однако в условиях продолжительного экономического кризиса, коммерциализации социальной сферы (здравоохранения и образования в первую очередь), роста неопределенности в сфере занятости и социально-трудовых отношений (особенно для молодежи и женщин с малолетними детьми) рождение детей второго и более высокого порядка становится задачей рационального выбора с учетом возможностей потенциальных родителей.

В этом смысле становятся актуальными результаты исследований отечественных и зарубежных ученых о снижении барьеров (экономических, образовательных, инфраструктурных, организационных, институциональных, в том числе бюрократических, и др.) и формировании комфортных для родительства и детства условий в городской и сельской среде. При этом семейную политику необходимо постоянно модернизировать в соответствии с современными условиями и потребностями молодых, многодетных, детных родителей.

Важно не только разрабатывать инструменты повышения рождаемости, улучшающие материальное благополучие, но и отслеживать качественные характеристики семейной инфраструктуры как залог долгосрочного и устойчивого эффекта демографической политики. В этом отношении, на наш взгляд, важно рассматривать каждого ребенка в качестве носителя человеческого потенциала и создавать равные возможности развития с самого детства. В связи со сказанным модель многодетной семьи должна стать особым объектом демографической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багирова А.П. Ресурсы российской пронаталистской политики: классификация и методические принципы исследования // Вестн. ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 2. С. 21–28. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-21-28
2. Малышев М.Л., Успенская Т.Н. Многодетные семьи: социологический анализ проблем социальной защиты (на примере г. Москвы) // Власть. 2018. № 9. С. 153–161. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6173>
3. Рыбакова О.С. Развитие законодательства в рамках реализации российской правовой политики в сфере поддержки материнства и семей с детьми // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 37–41. DOI: 10.21681/2226-0692-2018-4-37-41
4. Казенин К.И., Козлов В.А. Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ // Журн. иссл. соц. политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 191–206. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206>
5. Frejka T., Gietel-Basten St. [et al.]. Fertility and family policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*, 2016, vol. 41 (1), pp. 3–56. DOI: 10.12765/CPoS-2016-03en
6. Serra del Pozo P., Oláh L.Sz., Sztajner I. European Large Families Confederation survey on the conditions and policies regarding large families. *Families and Societies. Working Paper Series*, 2017, vol. 80. Available at: <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2017/11/WP80PozoOlah-Sztajner2017.pdf>
7. Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: Postponement narratives. *Population and Development Review*, 2020, vol. 46 (1), pp. 121–144. Available at: <https://doi.org/10.1111/padr.12313>
8. Chao S.Y., Glass J. Parental happiness and social policy in Asia. *Asian Population Studies*, 2020, vol. 16 (2), pp. 123–144. Available at: 10.1080/17441730.2020.1757848
9. Клупт М.А. Переосмысливая современную историю рождаемости: семья, государство и мир-система // Демографическое обозрение. 2018. № 3. С. 6–24. DOI: 10.17323/demreview.v5i3.8133
10. Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T. The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41 (2), pp. 207–239. Available at: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3>
11. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020 / Т.К. Ростовская [и др.]; отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2021. 414 с.
12. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. № 1. С. 102–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.8>
13. Бессчетнова О.В. Благополучие детей как социальная проблема современности // Logos et Praxis. 2019. № 4. С. 42–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.5>
14. Бурханова Ф.Б. Дискриминация в области труда как фактор неформальной занятости женщин // Вестн. ВЭГУ. 2018. № 6 (98). С. 27–33.
15. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2
16. Калачикова О.Н., Уханова Ю.В. Семейные ценности в повседневной жизни современного общества // Социальное пространство. 2019. № 1 (18). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28121>. DOI: 10.15838/sa.2019.1.18.2
17. Скрыбина Я.А. Многодетные семьи в Республике Башкортостан: социально-экономический и демографический аспекты // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сб. ст. XI Урал. демограф. форума: в 2-х т. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 108–116. URL: <http://hdl.handle.net/10995/94696>
18. Банных Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н. Мотивация рождения детей в многодетных семьях со средним достатком: результаты нарративного интервью // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 120–127. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ky9q-vc12
19. Дорофеева З.Е. Трудовые траектории высокоресурсных многодетных матерей // Социол. журн. 2020. Т. 26. № 4. С. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7644>

20. Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006–2019): обзор социологических исследований / В.Н. Бузин [и др.] // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 3. С. 42–47. DOI: 10.17116/profmed20202303142

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Николаевна Васильева – доктор социологических наук, доцент, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет». Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100; e-mail: vasillevaen@yandex.ru

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, профессор, директор филиала, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Башкирский филиал. Российская Федерация, 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20; e-mail: guzrim@mail.ru

Vasil'eva E.N., Baimurzina G.R.

MODERN RUSSIAN FAMILY: FACTORS OF FORMING REPRODUCTIVE AND MARITAL BEHAVIOR MODELS

The relevance of demographic problems in Russia is emphasized in the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period through to 2025, the Decree on the National Development Goals of Russia through to 2030, priority national projects “Demography” and “Healthcare”, as well as in regulatory legal acts, aimed at supporting family, motherhood, fatherhood and childhood. Demographic problems are being solved by introducing a set of measures to support Russian families who are not just in a difficult socio-economic situation today, but in situation of risk. The pandemic has caused the deterioration of both socio-economic indicators of families’ living standards, and the demographic situation in many world countries including Russia. To increase the effectiveness of measures to support the Russian family, it is necessary to identify the factors that determine the motivation of actors to marry and have children, to describe typical models of reproductive and matrimonial behavior. We have obtained the empirical data, allowed formulating the main conclusions, by in-depth interview (there were interviewed 37 informants). Men and women of reproductive age have taken part in the survey; they are the representatives of families with one or two children and large families, as well as families where one parent is raising a child due to family breakdown, the death of one of the parents or a woman’s conscious (including forced) decision to give birth to a child out of wedlock. Informants from socially unadapted families are not included in the sample; we have purposefully selected the informants from families whose socio-economic situation is close to the median in the region of residence. We have formulated the questions for the in-depth interview in accordance with the following plan – the parents’ marital and reproductive attitudes (family experience of the informant’s parents); the informant’s marital and reproductive attitudes (their own family and reproductive experience); the impact of federal and regional measures to support the Russian family on the decision on the child birth; and family needs and problems that hinder the implementation of reproductive plans. The obtained data have made it possible to describe models of reproductive and mating behavior, to formulate conclusions about the factors hindering the fertility growth in Russian regions.

Family, children, parents, reproductive behavior, marital behavior, demographic situation, social care, social support.

REFERENCES

1. Bagirova A.P. Resources of the Russian pronatalist policy: Classification and methodological principles of research. *Vestnik YuRGTU (NPI)=Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI)*, 2021, no. 2, pp. 21–28. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-21-28 (in Russian).
2. Malyshev M.L., Uspenskaya T.N. Large families: A sociological analysis of the problems of their social protection (on the example of Moscow). *Vlast'=The Authority*, 2018, no. 9, pp. 153–161. DOI: 10.31171/vlast.v26i9.6173 (in Russian).
3. Rybakova O.S. Development of law within the framework of implementing Russia's legal policy in the sphere of support for motherhood and families with children. *Monitoring pravoprimereniya=Monitoring of Law Enforcement*, 2018, no. 4 (29), pp. 37–41. DOI: 10.21681/2226-0692-2018-4-37-41 (in Russian).
4. Kazenin K.I., Kozlov V.A. Regional measures of support for families with three and more children: An overview. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 191–206. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206 (in Russian).
5. Frejka T., Gietel-Basten St. [et al.]. Fertility and family policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*, 2016, vol. 41 (1), pp. 3–56. DOI: 10.12765/CPoS-2016-03en
6. Serra del Pozo P., Oláh L.Sz., Sztajner I. European Large Families Confederation survey on the conditions and policies regarding large families. *Families and Societies. Working Paper Series*, 2017, vol. 80. Available at: <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2017/11/WP80PozoOlahSztajner2017.pdf>
7. Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: Postponement narratives. *Population and Development Review*, 2020, vol. 46 (1), pp. 121–144. Available at: <https://doi.org/10.1111/padr.12313>
8. Chao S.Y., Glass J. Parental happiness and social policy in Asia. *Asian Population Studies*, 2020, vol. 16 (2), pp. 123–144. Available at: 10.1080/17441730.2020.1757848
9. Klupt M.A. Rethinking the contemporary history of fertility: Family, state, and the world system. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 2018, no. 3, pp. 6–24. DOI: 10.17323/demreview.v5i3.8133 (in Russian).
10. Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T. The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41 (2), pp. 207–239. Available at: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3>
11. Rostovskaya T.K. et al. *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Natsional'nyi demograficheskii doklad – 2020* [Demographic Well-Being of Russian Regions. National Demographic Report 2020]. Ed. by Rostovskaya T.K., Shabunova A.A. FCTAS RAS. Moscow: Perspektiva, 2021. 414 p.
12. Arkhangel'skii V.N., Elizarov V.V., Dzhanaeva N.G. Children or marital support: The determination of choice. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Region of Russia*, 2021, no. 1, pp. 102–120. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.1.8 (in Russian).
13. Besschetnova O.V. Welfare of children as a modern social problem. *Logos et Praxis*, 2019, no. 4, pp. 42–52. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.5 (in Russian).
14. Burkhanova F.B. Labor discrimination as a factor of informal employment of women. *Vestnik VEGU=Bulletin of Academy VEGU*, 2018, no. 6 (98), pp. 27–33 (in Russian).
15. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. On the necessity to develop models of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2 (in Russian).
16. Kalachikova O.N., Ukhanova Yu.V. Family values in everyday life of the modern society. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2019, no. 1 (18). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28121>. DOI: 10.15838/sa.2019.1.18.2 (in Russian).
17. Skryabina Ya.A. Large families in the Republic of Bashkortostan: Socio-economics and demographic aspects. In: *Instituty razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh sovremennykh vyzovov: sb. st. XI Ural. demograf. foruma: v 2-kh t. T. II*. [Institutes of Human Potential Development in the Conditions of Modern Challenges: Stat. Coll. 9th Ural Demographic Forum: in 2 Vol., vol. 2]. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2020, pp. 108–116. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/94696> (in Russian).
18. Bannykh G.A., Zaitseva E.V., Kostina S.N. Reproductive motivation in middle-income large families: The results of a narrative interview. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya=St. Petersburg Sociology Today*, 2019, no. 11, pp. 120–127. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ky9q-vc12 (in Russian).

19. Dorofeeva Z.E. Work trajectories of high-resource multi-child mothers. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7644> (in Russian).
20. Buzin V.N. et al. Russian healthcare through eyes of the population: Dynamics of satisfaction over the past 14 years (2006–2019): Review of sociological studies. *Profilakticheskaya meditsina=The Russian Journal of Preventive Medicine*, 2020, vol. 23, no. 3, pp. 42–47. DOI: 10.17116/profmed20202303142 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina N. Vasil'eva – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Volgograd State University”. 100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation; e-mail: vasillevaen@yandex.ru

Guzel' R. Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), Professor, Director of Branch, Federal State Budgetary Institution of Science Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 20, 50-letiya Oktyabrya Street, Ufa, 450005, Russian Federation; e-mail: guzrim@mail.ru